

Барковская Алла Викторовна,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и
методологии науки, Белорусский
государственный университет,
г. Минск, Беларусь.

*Экологическая этика и ее
приоритеты в контексте
постметафизического мышления.*

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА И ЕЕ ПРИОРИТЕТЫ В КОНТЕКСТЕ ПОСТМЕТАФИЗИЧЕСОКОГО МЫШЛЕНИЯ

Барковская А. В.

Белорусский государственный университет, Минск

Экологическая этика сегодня позиционирует себя в качестве самодостаточной дисциплины в регулировании отношений между человеком и миром природы, хотя эта проблема значительно раньше разрабатывалась и в других сегментах культуры – философии и экологии. Но свой приоритет экоэтика отстаивает не столько в полемике с ними, сколько в подчеркивании прикладного характера своих концептуальных предпочтений, несмотря на проводимую ею конвертацию базовых принципов философии, экологии, философской и нормативной этики. В этом проявляется и ее претензия на некоторую автономию в конституировании моральных предписаний и экоэтических идеалов, способных не только трансформировать моральные убеждения современных людей, но и предложить конкретные пути разрешения конфликта интересов человека и природы. Достаточно сильным аргументом, с точки зрения экологической этики, становится то, что благодаря ее прикладному статусу все прежние принципы экологической направленности утрачивают свой предельно общий и абстрактный характер, поскольку переформулированы в контексте реального устранения причин социоприродного конфликта и его последствий.

Следует отдать должное таким устремлениям, поскольку работа в пространстве экологической этики с целью построения собственной архитектоники, включающей в качестве основных элементов новое энвайронментальное сознание, интегрирующее глобальное видение мира с гуманистическими ценностями; этические нормы и принципы, выражающие ценностно-мировоззренческое отношение людей к природе; безопасные и благоприятные для природного равновесия навыки поведения и технологии человеческой деятельности в природном мире [см.

1, с. 12] активно ведется с прошлого века, прежде всего в западном ареале. Но и восточноевропейский вектор не отстраняется от такой работы – свидетельством тому является обширная теоретическая и учебная литература.

В этом смысле у экоэтики реально имеются перспективы стать общепризнанной и практически значимой дисциплиной, проводником нового типа мышления и механизмом снятия угрозы неразрешимого конфликта интересов обеих сторон, ибо этому способствует не только ее внутренняя работа, но и постметафизическая философия, манифестирующая многомерный способ мышления, превращая его в «агон» – противоборство альтернативных позиций. Это означает, что природный мир приобретает шанс не восприниматься в качестве управляемого и прозрачного для познающего сознания. Сегодня, выражаясь словами прагматика У. Джемса, он, скорее, предстает в образе «плюралистической Вселенной», похожей на «великий цветущий, жужжащий беспорядок», чем аморфного и гомогенного целого. И с точки зрения постнеклассической науки, это мир процессов самоорганизации, спонтанного становления, необратимых изменений, он открыт, индетерминистичен, темпорален, плюралистичен, эмерджентен, в нем доминируют случайность, необратимость, спонтанность, нестабильность, чувствителен к антропогенным воздействиям. «Мы живем в опасном и неопределенном мире, внушающем не чувство слепой уверенности, а лишь чувство умеренной надежды» [2, с. 386]. Таким образом, постметафизическое мышление – это мышление свободной личности, занимающей критическую позицию по отношению к социокультурной жизни во всех ее измерениях, проявлениях, манифестациях.

В контекст постметафизического мышления вписывается, в частности, и так называемая «чернолебяжья философия, которая во многом хорошо коррелирует с вышесказанным. «Черный лебедь» Нассима Талеба стал главной философской книгой нулевых лет. С точки зрения автора, «черный лебедь» – маловероятное событие, но оказывающее на мир невообразимо большее воздействие, которое задним числом может произвести впечатление предсказуемого, таковым не являясь. Суть заключается в том, что непредсказуемые события важнее предсказуемых. «Чернолебяжья философия» утверждает, что исходить следует не из средних обычных показателей, а учитывать возможность появления черного лебедя и действовать соответствующим образом. Психологический парадокс, по мнению Талеба, состоит в том, что

сознание людей традиционно ориентировано на отсечение крайностей [3, с. 26].

Для исследовательской и концептуальной перспективы самой экоэтики и типа мышления, формирующегося в ее пространстве, подобный вывод имеет определенное значение, прежде всего, потому, что объявив субъект-субъектные отношения своей идеологией и программой, она берет на себя ответственность и за смену ценностных установок, и за разработку адекватных нормативных условий принятия решений и действий, т.е. в целом за адекватную мыслительную практику, но самое главное –держит ответ перед инаковым миром, позиционируя его в качестве субъекта, партнера по социоприродной коммуникации. Реализация такой программы задача непростая, поскольку субъект-субъектная парадигма разрабатывалась исключительно только в рамках межличностной коммуникации и поэтому экстраполяция данной схемы выглядит привлекательной, но сопряженной с рядом известных трудностей: во-первых, в традициях этики было ориентироваться на человека, на закрепление его власти и господства над природой; во-вторых, новоевропейская цивилизация канонизировала субъект-объектную оппозицию, согласно которой природа должна ориентироваться на Я-субъекта, соответственно конструирование становится ключом к пониманию природы, и ее значимость для субъекта определяется соответствием его требованиям; в-третьих, хотя постклассическая философия и возрождает фигуру другого, феноменологический анализ которого предпринят в онтологическом, этическом и социальном измерениях, в конечном итоге все это не расширяет диапазон функционирования этого концепта, поскольку другой здесь важен с позиции intersubjectivity, коммуникации, возможностей диалога. Соответственно он рассматривается в качестве условия и посредника моей самости, т.е. «другой... не только раскрыл мне то, чем я был: он конституировал меня в новом типе бытия... Мне нужен другой, чтобы целостно постичь все структуры своего бытия...» [4, с. 147]; в-четвертых, дискуссионным является вопрос о правах природы и способах их реализации, поскольку право – юридическая институция, продукт человеческой конвенции и подразумевает еще и обязанности, которые должен выполнять правовой субъект, т.е. не только человек, но и природное существо; и др. При этом следует иметь в виду, что современные технологии организуют новый мир – виртуальный мир, а,

значит, формируют и иной характер социальных отношений, которые сегодня квалифицируют как объект-объектные.

Фактическая разработка данной проблематики позволит экологической этике избежать присутствующей пока еще в ней декларативности, предстать в качестве практической философии и полноценной нормативной дисциплины, способной воплотить свои установки в современной социальной практике и стать гарантом их реализации в глобальном масштабе.

Литература

1. Апресян, Р. Г. Экологическая этика в системе прикладного этического знания: предмет, методология, проблематика // Р. Г. Апресян / Экологическая этика: учеб. пособие / Т.В. Мишаткина [и др.]. – Минск, 2011.
2. Пригожин, И. Порядок из хаоса / И Пригожин, И. Стэнгерс – М., 1986.
3. 20 ключевых идей 2000-х // Prime Russian Magazine. – 2010. – № 3.
4. Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто. Эссе феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр // От Я к Другому: сб. пер. по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога. – Минск, 1997.